

Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе

Е. Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, 614068, Пермь, ул. Букирева, 15

Для цитирования: Комиссарова, Елена Г. 2023. «Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 542–559. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.217>

В статье изложены авторские суждения о «явочном» для семейно-правовой реальности понятии «социальные родители». В статусе теоретической конструкции оно часто включается в правовой дискурс, но признак социальности, сопутствующий ему, в должной степени не проанализирован в семейно-правовой науке. Интерпретируя социальность в контексте социальной действительности, каждый автор видит в ней свою гипотезу социального (родства, родителя, воспитания ребенка). Такой подход привел к существенному научному упущению, заключенному в том, что в детско-родительское ответвление семейного права вошел контртермин, не имеющий связи и понятного соотношения с понятием «лица, признанные родителями по указанию закона». Не менее смутно выглядит соотношение понятия «социальные родители» и с такими понятиями этого ряда, как «права и обязанности родителей», «лица, заменяющие родителей», «другие лица, на попечении которых находится ребенок». Итоговые выводы статьи отражают научные взгляды автора на проблему и состоят в том, что наличие явных социальных оснований для внедрения новых родительских понятий в пространство семейного права не должно вредить академической максиме о недопустимости разобщать имеющееся законодательство. Следуя цели укрепления его целостности и внутренней логики, доктрине предстоит идентифицировать социальных родителей в пространстве права не только с позиции полезности их социальной роли, но и в смысле соотношения с уже известными нормативными конструкциями. Научный успех в познании смысловой сущности теоретической конструкции «социальные родители» может быть достигнут при условии, что познание будет организовано не как автономная проблема, а во взаимосвязи с имеющимся правовым знанием о родителях «по закону». В доктринальной конструкции «социальные родители» зарезервирован значительный теоретический потенциал, который способен сделать научно актуальными такие латентные правовые понятия, как «фактический отец/мать, отчим/мачеха», «фактический воспитатель».

Ключевые слова: социальность в праве, социальные родители, теоретическая конструкция, состояние фактического родительства, сводные родители, фактическое воспитание ребенка.

1. Введение

Связь между семьей и правом в современных государствах обретает устойчивую тенденцию усложнения. Меняющиеся контексты семейной жизни все чаще испытывают науку семейного права, побуждая ее создавать актуальный теорети-

ческий материал для решения новых теоретико-правовых проблем. В этом смысле родительское право, в пространство которого вошли труды, обращенные к явлению социального родства, социального родительства и социального воспитания¹, не стало исключением. Однако количественное приращение публикаций по теме пока не привело к появлению работ, посвященных научному описанию и объяснению концептуального и инструментального потенциала этих теоретико-правовых конструкций.

Стремление семейно-правовой науки привнести в детско-родительское право черты социальности, не связанные напрямую с элементами государственного социального обеспечения, можно только приветствовать. Ведь разрыв между юридической концепцией родительства и той фактической ролью, которую играют лица, занимающие положение «как бы» родителей, именуемые на дисциплинарном языке социологической науки родителями социальными, выглядит слишком значительным.

Однако при всей научной актуальности теоретического проекта под названием «социальные родители» нельзя не заметить, что, положившись на исходную социологическую интерпретацию этого понятия, учитывающую происходящие социальные изменения в семье и родительстве, представители юриспруденции упускают из виду факт юридической безымянности социальных родителей. Признавая по умолчанию легальной терминологию, пришедшую из другой предметной области, фамилисты не задаются теоретическим вопросом о поиске подходящей правовой терминологии для этих лиц. Не стала пока актуальной и проблема пределов юридического охвата отношений с участием социальных родителей. Как следствие, появились облегченные подходы к интерпретации понятий «социальные родители» и «социальное воспитание».

Один из них был реализован в инициативном законопроекте № 649634-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс РФ и Трудовой кодекс РФ в части передачи детей на социальное воспитание»², внесенном в Государственную Думу РФ в 2015 г. Попытка оказалась неудачным примером вторжения в такие уже действующие семейно-правовые конструкции, как опека, попечительство, приемная семья. Смысл и значение самого термина «социальное воспитание», ради которого затевался весь законопроект, составители законопроекта не идентифицировали. Понятие, стоящее за ним, было определено за счет дублирования тех, что уже имеют собственное нормативное значение³. Текст законопроекта также включал специализированный язык из области социологического знания, не имеющий аналога в юридическом языке. Не до конца ясная концепция законопроекта № 6496334-6, сопровождаемая разного рода технико-юридическими ошибками, повлекла за собой его краткую парламентскую историю, оборвавшуюся после первого чтения.

¹ По аналогии с зарубежными исследованиями, воспринимающими родительство в качестве хронологической конструкции, которая включает в свое содержание процесс родительского воспитания ребенка, для целей настоящей статьи научные понятия «социальное родительство» и «социальное воспитание» будут использованы как однозначные.

² Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 20 марта, 2023. <http://www.consultant.ru/>

³ Как зафиксировано в ст. 148.2 законопроекта «социальным воспитанием признается опека и попечительство над ребенком или детьми».

Эта неудавшаяся законопроектная попытка с очевидностью обнаружила, что проблему социальных родителей не следует позиционировать как существующую «саму по себе». Необходимость сохранить внутреннюю логику и устроенную на ее основе семейно-правовую систему родительского права исключает научное познание данной теоретической проблемы поверх темы о лицах, имеющих родительский статус в силу закона, и большинства других понятий, ее наполняющих. Что же касается проблемы расхождения между социологической категоризацией социальных родителей и правовой квалификацией этого явления, то его предстоит преодолевать с помощью необходимых теоретико-методологических соображений, изложению которых посвящена настоящая статья.

2. Основное исследование

2.1. Интерпретация социального в нормативной лексике права

Считается, что термин «социальный» вошел в сферу научного оборота сравнительно поздно. Причину такого положения обозначил австрийско-немецко-английский социолог и философ К. Манхейм, указавший, что «до известного периода... отсутствовал связанный с этим словом жизненный опыт» (Манхейм 1994, 411). Сегодня этот опыт появился, социальная терминология стала не только узнаваемой, но и активно используемой за пределами предметных социологических дискурсов.

Чаще всего по лингвистическим причинам термин «социальный» в его обычном значении видится синонимом термина общественный. Эта во многом естественная связь данных терминов позволяет вовлекать гибкий по своей природе термин «социальный» в широкие абстрактно-обобщенные размышления о целях той или иной отрасли права, конкретного института, отдельной нормативной конструкции с желанием обратить внимание на их особую роль в достижении социально значимых последствий в виде соблюдения конституционных норм о человеке, его правах и свободах. Такой контекст связи правовых норм и социальных целей не нов: идею социальности в праве и цели достижения «социального идеала» связывал в свое время И. А. Покровский (Покровский 1998, 17); отрасли «социального служения» вычленял М. М. Агарков (Агарков 2002, 71). В современной юриспруденции концепция социальности представлена как «многоаспектная проблема, которая не имеет простого и очевидного решения» (Суханов 2020, 27).

Локальное значение термина «социальный» зависит от конкретной сферы его правового употребления и чаще всего имеет предметную специфику. Так, собирательный юридический термин «социальное обеспечение» имеет локальное значение, находя продолжение в таких терминах, как «социальная работа», «защита», «пенсия», «выплата» и т. д. Качество локальности ему задает та группа общественных отношений, которая складывается там, где есть элемент государственного социального обеспечения.

В узком значении термин «социальный» используется также в многочисленных узкопредметных правовых дискурсах, где его академическая востребованность определяется инструментальным значением для углубленного теоретико-правового

го постижения конкретного нормативно-правового явления. Стоящее за ним социальное понятие становится компонентом научного аппарата, помогая расширению пределов теоретического познания за счет постановки конкретной научной задачи, решаемой сквозь призму социальности.

Если обратиться к имеющимся семейно-правовым исследованиям, затронувшим проблему социальных отцов, социальных родителей, социального родства, социального сиротства, социального воспитания, то нельзя не увидеть, что как таковой разделительной полосы между общеупотребительным значением термина «социальный» и иными более узкими значениями, связанными с предметностью его использования, в науке семейного права не проводится. Это создает весьма обманчивое представление о том, что использование социальных понятий для правового описания родительства и детства уместно всегда и во всех случаях. Такие неразделенные подходы несут в себе серьезные доктринальные риски в виде не только простого заимствования социальных понятий из других гуманитарных дисциплин, но и скорого и далеко не всегда аргументированного переименования уже известных законодателю правовых понятий за счет придания им звучных социальных имен.

При всей серьезности таких рисков дело не только в них. Как показывает текущий семейно-правовой дискурс, неразборчивость представителей семейно-правовой науки в аспектах социальности нередко уводит их в сторону того значения понятия «социальный родитель», которое связывается с организованными формами социальных действий со стороны государства, участвующего в лице его органов в судьбе детей, лишенных родительского попечения. В таком случае понятие «социальный родитель» (даже если предполагается, что оно имеет позитивный смысл) обретает негативный оттенок за счет его распространения на ситуации детского неблагополучия.

История семейно-правовой науки зафиксировала периоды, когда ее представители обходились укороченными формулами социальности за счет вовлечения в научный оборот таких метафор, как «социальная формула», «социальный окрас» (Тарусина 2020). Подобное положение в гуманитарных науках было обозначено как «факт широкого использования в теоретических конструкциях ученых понятия “социальное”, страдающего значительной неопределенностью» (Бобров 2005, 14). Вряд ли есть смысл продолжать эту традицию в современной науке семейного права, внося в нее новые заблуждения.

Появление в правовом детско-родительском дискурсе теоретических конструкций с собственными «социальными именами» неизбежно требует их юридической идентификации. В противном случае процесс их сущностного познания окажется организованным «внутри самих себя» и «сам по себе», вне соотношения с уже заявленными законодателем юридическими конструкциями.

Задать процессу научного познания именно такое направление непросто. Подобного опыта у фамилистов нет. Ни дореволюционная, ни советская юриспруденция не располагали возможными юридическими смыслами социальных понятий. Сегодня их стало в разы больше за счет развития смежных социальных наук. Неконтролируемый прирост таких понятий несет не только угрозу их противопоставления понятиям юридического языка, но и опасность терминологической эклектики.

2.2. Социальные родители и социальное воспитание в российской и зарубежной науке

Законодательно невидимые, а значит, неполномочные или неофициальные родители, которым сегодня стало присваиваться наименование социальных, исторически были и есть во всех странах. Каждый законодатель по-своему принимает их присутствие в жизни детей, и, как показывает анализ зарубежной юридической литературы и законодательства, нормативная оценка социальной составляющей в структуре детско-родительских отношений не единообразна.

Практически радикально решает эту проблему американская юриспруденция, представители которой, работая долгое время в режиме междисциплинарного перекрестка, стремятся «освещать семейные узы такими, какие они есть, а не такими, какими они были несколько десятилетий назад» (Douglas, Banks, Grossman 2021, 5). Конструкция фактического (непосредственного или функционального) родителя здесь используется открыто как в законодательстве отдельных штатов (всего таких 21), где нормативно определено, кого и при каких условиях можно признать де факто матерью или де факто отцом⁴, так и в практике прецедентного судопроизводства. Законодатели штатов предусматривают для таких родителей право судебного запроса на получение родительских полномочий. Это право согласуется с правами законных родителей, а потому, несмотря на очевидную доступность права фактического родителя на запрос, доктрина подчеркивает, что такое решение законодателя сравнимо с «легким прикосновением руки законодателя» (Grossman 2017, 317). Объяснение столь осторожному подходу дано в науке в виде утверждения, согласно которому «нормативное признание за такими родителями части прав нарушает конституционные права законных родителей» (Strauss 2019).

В части признания родителями «лиц, связанных с ребенком» как лиц, которые не имеют родительского статуса по закону, довольно либерально законодательство Англии, опирающееся на концепцию расширенной нуклеарной семьи и признающее семейное разнообразие нормативным. Казуистичность⁵ и терминологическая множественность лиц, которые могут быть названы родителями⁶, позволяет юриспруденции вполне легально использовать более широкий набор терминов, относящихся к родительству, за счет разделения понятия «родитель» на такие составные понятия, как «дать жизнь ребенку и получить статус» и «участвовать в деятельности по уходу за ребенком» (Arendell 2000, 1194).

Следствием широкого подхода к семье является то устройство родительского права, по нормам которого родительская ответственность касается не только статусных родителей, но и всех тех лиц, которые обращаются к государству с за-

⁴ См., напр.: An Act to Amend Title 13 of the Delaware Code Relating to Parents. Дата обращения 20 марта, 2023. <http://delcode.delaware.gov/sessionlaws/ga145/chp097.shtml>.

⁵ В Англии существует более 10 отдельных законов, которые регламентируют брачно-семейные отношения. См. об этом: Источники семейного права зарубежных стран. Дата обращения 20 марта, 2023. <https://isfic.info/foretor/graztor48.htm>.

⁶ Так, в английском Законе о детях 1989 г. (Children Act 1989. Дата обращения 20 марта, 2023. <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/41/contents>) закреплено, что одновременное распределение родительских обязанностей возможно более чем между двумя лицами (Part I. 2. Parental responsibility for children. § 2. 4ZA, 4A).

просом на получение приказа о принятии на себя родительской ответственности (фостерные родители, отчимы, спутники родителя по жизни) или в иных случаях де факто принимают на себя родительскую ответственность, именуясь связанными лицами. Известный своей восприимчивостью к достижениям социологической науки и имеющий надежную опору в виде судебных прецедентов, английский законодатель принял положение, согласно которому государству важно, что у ребенка «есть кто-то, кто действует как отец и мать по отношению к нему, вне зависимости от того, биологически или социально заданы эти функции» (Eriksson, Saldeen 1993, 178). Поэтому Закон о содержании ребенка 1991 г. прямо указал как на биологических, так и на социальных родителей⁷.

Нормативное упоминание о социальных родителях есть также в законодательстве Нидерландов. В разд. 14 Гражданского кодекса Нидерландов⁸, который считается «одним из самых сложных разделов, касающихся родителей и детей» (Тиммерманс 2013, 282), содержатся нормы о родительской опеке, где изначально проведено различие между родительской ответственностью, которая может осуществляться одним родителем в одиночку, двумя родителями совместно или родителем и лицом, не являющимся родителем, и опекой, которая может осуществляться одним или двумя лицами, не являющимися родителями ребенка. Последние нормативно поименованы как социальные родители.

В немецкой правовой традиции термин «социальный родитель» используется редко. В литературе чаще встречается термин «социальное воспитание», указывающий на то, что его значение сопряжено не с происхождением ребенка, а с процессом воспитания. В нормах законодательства термин не встречается. В качестве научной категории его значение описано «как состояние психосоциальной реальности, которое вполне может стать контрагентом юридического состояния с незначительным правовым результатом» (Schwab 2016, 218). Соотношение социального воспитания с воспитанием семейным дает основания определять первое как «многообразные скрытые формы фрагментированного семейного воспитания» (Gabriel, Keller 2020, 296).

Не отрицая «необходимости реформ с точки зрения юридического признания социального воспитания» (Sanders 2018, 8), немецкий законодатель, опираясь на репрезентативные факты, точно упоминает о лицах, которые вправе быть фактическими воспитателями и могут получить над ребенком право так называемой малой опеки. Так, в Законе о зарегистрированном жизненном партнерстве⁹ установлено, что супруг матери или отца ребенка, осуществляющий воспитание приемного ребенка, может получить незначительные права на принятие повседневных решений в отношении этого ребенка, с которым он живет вместе не менее двух лет. Общая оценка возможностей нормативного охвата таких фактов остается невысокой. В литературе признается, что идеи социального воспитания пока считаются «незрелым изобретением, слабо сопряженным

⁷ Child Support Act 1991. P.54. Дата обращения 20 марта, 2023. <https://archive.org/details/childsupportact10000grea>.

⁸ Burgerlijk Wetboek Boek 1. Дата обращения 20 марта, 2023. <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002656/2015-07-01#Boek1>.

⁹ Gesetz über die Eingetragene Lebenspartnerschaft. Gesetz über die Eingetragene Lebenspartnerschaft. BGBI. I, 266 (16 Feb 2001). Дата обращения 20 марта, 2023. <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/05/Germany-Gesetz-über-die-Eingetragene-Lebenspartnerschaft-2001-de.pdf>.

с правом» (Schwab 2016, 219), а «юридические конструкции, их отражающие, имеют ряд изъянов, в отличие, например, от законодательств Англии и Нидерландов» (Scheiwe 2016, 230).

К проблеме социальных родителей сегодня наиболее адаптирована социологическая мысль, с конца XX в. активно исследующая проблему носителей родительских и «как бы» родительских ролей в позитивных ситуациях (усыновители, приемные родители в повторнобрачных семьях, сводные отец или мать, фактические отцы, фактические опекуны и т.д.). Понимание того, кто является социальным родителем, в этой области знания выглядит достаточно устойчивым и выражается в значительном числе предметно организованных суждений, включая энциклопедические источники конца XX в. (Панов, Холостова 1997).

Представители социологической науки кладут в основу идентификации социального родительства широкую концепцию родительства, внутри которой есть «разные конфигурации распределения заботы о детях» (Чернова 2012, 104). Отсюда берет начало и определение социального родительства, раскрываемое через совокупность следующих институциональных параметров: «специфическая социальная роль, нормативные предписания и повседневные практики, реализуемые в семьях, где один или оба супруга не связаны с ребенком/детьми биологическим родством» (Белинская 2013, 144).

Идентичны и взгляды зарубежных социологов. Их общая установка состоит в том, что «все виды родительства, кроме биологического, считаются социальными», а за понятием социального родительства «скрывается не одна, а множество социальных реалий» (Vaskovics 2020, 273).

По понятным причинам понятия, созданные в социологической науке, не тождественны по содержанию с юридическими. Первая оперирует «бытовым пониманием социального родительства, которое расходится с юридическими отношениями родительства» (Edwards, Ribbens, Gillies 1999, 83). Причины такого расхождения лежат на поверхности: социология исходит из эмпирических фактов социальной реальности, тогда как законодатель, опираясь на «традиционную юридическую универсалию, основанную на единстве матери, отца и их биологического ребенка» (Lenz 2013, 110) и твердые догматические правила о родительском признании, не стремится отражать в нормах права многообразие родителей, представленное в смежных науках. Понятные и гуманные сценарии социального родительства и социального воспитания, поставляемые социологической наукой, праву во многом неподвластны.

Понимание этого заставляет юриспруденцию задаться вопросом о том, что можно сделать хотя бы теоретически для учета фактов социального родительства и их научного описания для целей права.

В российской семейно-правовой доктрине уже высказаны утвердительные суждения о том, что отношения с участием социальных родителей должны быть подвергнуты правовому регулированию (Усачева 2019; Хазова 2022). Для придания высказанным суждениям качества диалогичности и создания необходимого концептуального задела, позволяющего увидеть, что способен уловить законодатель в юридической теории о социальных родителях, а до чего ему «нет дела», дополним их научными аргументами за такое урегулирование и против него.

2.2.1. Аргументы за урегулирование

Прежде всего, исходной идеей для положительной аргументации является расширение традиционных границ понимания родительского права. Его нормы со времен советского права, провозгласившего семью ячейкой общества, регулируют детско-родительские отношения достаточно прямолинейно и одномерно, храня идею нуклеарной семьи как семьи нормативного типа. Благодаря этой идее про такие семьи известно все: браки и разводы, стабильность и нестабильность, происхождение детей, репродуктивное вспомоществование бездетным парам, закрытое усыновление, приравняваемое по юридическим последствиям к законному родительству, внутрисемейная связанность между родителями и детьми посредством прав и обязанностей. Все находящееся за пределами круга этих явлений познается недостаточно, и это дает основания для справедливого утверждения о том, что «результаты применения норм семейного права во многих случаях не адекватны как существу внутреннего правоотношения, так и потребностям правоотношений внешних» (Михеева 2020, 4).

Можно согласиться с тем, что далеко не все социальные условия должны получать строгую формулировку в тексте закона. Однако во благо доктринального развития темы о социальных родителях их надлежит распознать и адаптировать к праву. Так, образ социального родителя сегодня вполне реально можно рассмотреть в таких правовых фигурах, как фактические воспитатели (ст. 96 Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (СК РФ)) и отчимы/мачехи (ст. 97 СК РФ). При давней исторической известности этих участников детско-родительских отношений об их личных неимущественных отношениях с детьми в рамках родительской семьи известно совсем немного. С 1928 г.¹⁰, когда законодатель ввел этих лиц в число «других членов семьи», проявив необходимую пассивность, которая требовалась от него за пределами императива о надлежащем воспитании фактических воспитанников и пасынков, доктрина так и не смогла раскрыть личный неимущественный потенциал этого вида (социальных) отношений с участием ребенка. В современном законодательстве больших изменений не произошло. Наиболее известны лишь данные об этих лицах как периферийных участниках детско-родительских отношений¹¹.

¹⁰ Постановление ВЦИК от 29.11.1928 «Об утверждении принятых Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета постановлений об изменении и дополнении кодексов РСФСР» (утратило силу).

¹¹ Если понятие «отчим» не особо нуждается в толковании, то понятие «фактическое воспитание» требует хотя бы примерного определения лиц, которые могут быть охвачены им. Оно интерпретировано в акте обобщения судебной практики и заключает в свое определение «воспитание ребенка его родственниками или лицами, не состоящими с ним в родстве, которые осуществляли воспитание и содержание ребенка, не являясь при этом усыновителем, опекуном (попечителем), приемным родителем или патронатным воспитателем ребенка» (п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении судами дел, связанных со взысканием алиментов»). Перечень лиц, причисляемых к фактическим воспитателям, также определен судебной практикой, указывающей, что «без оформления опеки фактическими воспитателями ребенка являются бабушки (дедушки), старшие брат или сестра, тетя (дядя)» (Информационное письмо Свердловского областного суда «Об актуальных вопросах рассмотрения споров о взыскании алиментов», утв. Президиумом Свердловского областного суда 23.10.2019).

Время от времени семейно-правовая наука обращается к фактическим воспитателям и отчимам, но теория, обращенная к научному описанию этих «риторических законодательных фигур», прочно застряла в прошлом, тогда как вполне могла бы направить свой ресурс познания в сторону теории социальных родителей.

Что мешает созданию этого ресурса? В первую очередь движение исследовательской мысли строго «по законодательному следу». Ведь учение о личных неимущественных отношениях «других членов семьи» в отечественной науке семейного права отсутствует. Вакуум непознанной проблемы легко заполняется описанием социальной реальности, предрассудками и заблуждениями, не позволяя доктрине развернуться в сторону научно обоснованного описания таких явлений, как фактическое родство, фактическая забота (опека, уход), фактическое отцовство (материнство). В отсутствие этой теории единственным ориентиром остаются нормы ст. 96–97 СК РФ, однако в силу их размещения в главе, регулирующей имущественные отношения, они всякий раз уводят доктрину в сторону исследования имущественных аспектов отношений с участием фактических воспитателей и отчимов, мачех.

Кроме того, нормативная замкнутость существующих родительских теорий, неизменно устроенных на основе родительской статусности «по закону», породила слишком контрастное положение, при котором родителям предписано «все или ничего», в то время как других лиц, которые «психологически и социально нашли в определенном человеке родительскую часть, закон совсем не пытается охватить хотя бы в общих чертах и наделить юридическими последствиями» (Schwab 2016, 218). Ощущая этот контраст, представители науки семейного права не единожды пытались отстоять методологически не безошибочную идею о необходимости наделить юридическими правами и обязанностями фактических воспитателей, отчимов и мачех. Других взглядов в науке семейного права фактически нет.

Любые личные неимущественные отношения с участием членов семьи, если они прямо не зафиксированы в законодательстве, — труднодостижимое явление для юриспруденции. Тем не менее это не оправдывает ошибочного пути, по которому уверенно идут представители современной науки семейного права, предлагая дисциплинировать фактического воспитателя и отчима путем навязывания им прав и обязанностей «как у родителей». Данная теория, имея заметный административный оттенок, восходит к социалистической юриспруденции, зародившейся «в тиши советских кабинетов», когда сопряженность науки с законодательной и правоприменительной практикой отсутствовала. Взяв свое начало от фундаментальной теории правоотношения, она развивалась в строгом догматическом ключе по стандартной схеме: если у лица по закону есть статус, то должны быть юридические права и обязанности. Эта теория предрешала научное-теоретическое решение большинства юридических проблем, в том числе проблемы личных неимущественных полномочий других членов семьи, которых (в связи с притязанием на алиментные платежи в будущем), по мнению науки, следовало наделить юридическими правами и обязанностями. Несмотря на то что ни в актах советской кодификации (Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г.), ни в действующем СК РФ, законодатель так и не пришел к идее правообязывания фактических воспитателей и отчимов, она оказалась научно жизнеспособной и по-прежнему направляет многие исследования. Не изменили ситуацию ни присоединение российской науки семейного права к глобальной юридической мысли, ни появление междисциплинарных связей

с другими науками о семье, ни доступность европейских публикаций, освящающих иные возможные законодательные подходы к периферийным членам семьи.

Исход так называемого дисциплинарного подхода остается прежним: никаких теоретических решений, из которых следовало бы, что для законодателя в регулировании личных неимущественных отношений с участием фактических воспитателей и отчимов может быть необходимым, что произвольным, а что просто полезным, доктрина не предлагает.

Чтобы создать теорию о социальных родителях, юриспруденция должна разобратся, кого эти лица в картине социального воспитания представляют: знакомых незнакомцев, как их именуют в зарубежной социологии; толкователей родительской любви по канонам психологии или ответственных перед обществом наблюдателей за детьми. Перевод всего этого функционала на узкодисциплинарный язык права не равняется отказу от того позитивного знания об этих лицах, которое уже накоплено в смежных гуманитарных науках. Это знание позволяет рассмотреть тот социальный ресурс, который зарезервирован законодателем в фигурах фактического воспитателя и отчима.

При рассмотрении этого ресурса надлежит перестать рассматривать отношения ребенка с отчимом и фактическим воспитателем как отношения, которые пребывают «на грани девиации». Это совсем не те явления, которые отражают факты дестабилизации детско-родительских отношений и для ликвидации которых необходим связующий властный элемент, поставляемый обществом. Чаще всего семейно-правовая наука рефлексировала на социальность именно в таких случаях, обращаясь к поиску «юридических заплаток» для антисоциальных детско-родительских отношений, прибегая к социальной терминологии.

Проблема базового физического выживания детей, погибавших от родительской безнадзорности, побудившая в 1928 г. законодателя изменить закон путем включения в число «других членов семьи» отчима, фактических воспитателей, бабушку/дедушку, давно в прошлом. Факт законодательного сохранения этих лиц в числе других членов семьи надлежит осмысливать в новых социальных контекстах. Это и будет позитивным научным поводом для создания адаптивных теорий, описывающих социально приемлемые воспитательные практики детей, идущие от уже известных нормативных решений.

В зарубежной литературе социальное воспитание и взаимосвязанное с ним понятие «социальные родители» так и описываются — через «принятие лицом фактической или физической родительской ответственности за ребенка» (Dethloff, Timmermann 2017, 175). Либо, что одно и то же, через принятие «практической ответственности за детей в процессе их взросления» (Jurczyk 2017, 6). Такое положение считается социально приемлемым, а потому полностью исключает всякие попытки вовлечь в этот тематический дискурс административный стиль, неизбежно провоцирующий к обсуждению методов правового дисциплинирования социальных родителей с помощью юридических прав и обязанностей.

Логика этих суждений вполне понятна. Принимая на себя функции фактического/социального родителя по соглашению с законными родителями ребенка или по судебному запросу (для отчимов), лицо вынуждено вести себя таким образом, который этой социальной позиции предписан в обществе, т. е. поведение этих лиц считается согласованным с общественными требованиями, складывающимися

из таких культурных и политических универсалий, как наилучший интерес ребенка, его благо, семья, семейное благополучие.

Не следует понимать приведенную выше аргументацию как утверждение о том, что отношения фактического родительства (отчима) и фактического воспитания, причисленные нами к социальным, совсем неуместны в праве и оно не должно регулятивно поддерживать их. Процесс перманентной достройки этого социального института нормами права скорее нужен, чем нет, и такие примеры в мировом законодательстве встречаются. Например, в ст. 29 Семейного кодекса КНДР установлено правило, согласно которому «отношения между неродными родителями и неродными детьми равносильны отношениям между родными родителями и родными детьми»¹². Данная норма не только ясно отражает присутствие дозволений, запретов, позитивных обязанностей, адресованных законным родителям, но и служит явным ориентиром для социальных родителей.

Есть и доктринальная польза подобной нормы. Она несет связующую информацию о том, что та часть отношений, которая неподвластна праву (начало и конец отношений фактического родства, основания их возникновения), регулируется исключительно социальными нормами, в то время как содержательная часть отношений (желаемый государством стандарт взаимодействия взрослого и ребенка, не имеющих законной связи, но связанных тесным эмоционально-психологическим контактом) регулируется нормами позитивного родительского права по аналогии. Это сообщает главное: фактическое родительство (воспитание) ребенка, пребывая в статусе социального, в своей повседневности функционирует по правовым стандартам, ориентированным на благо ребенка.

Можно обозначить и еще один пункт желаемого сопряжения с правом отношений, причисленных нами к разряду социальных: право фактического воспитателя и отчима на неюридическое представительство интересов ребенка в образовательных организациях, медицинских учреждениях и в других социальных сферах. Сегодня эти полномочия можно приобрести только через усыновление фактически воспитываемого ребенка или получив право опеки над ним. Это не самые простые с точки зрения соблюдения прав и интересов законного родителя ребенка процедуры, а потому уместные далеко не во всех жизненных ситуациях. Однако пример краткой встроенности такого промежуточного решения в интересах ребенка имеется в немецком законодательстве. Параграфом 1687 b Германского гражданского уложения (Елисеев, Маковский, Яковлева 2004) для отчима, состоящего в браке с законным родителем ребенка или в зарегистрированном жизненном партнерстве, предусмотрено право так называемой небольшой опеки — той самой, которая дает право на представительство интересов ребенка в отдельных сферах.

Завершая аргументацию за социальных родителей, заметим, что ни одно государство на земле не может и не сможет охватить правом все существующее разнообразие многогранности семейных форм, семейных практик и семейного воспитания. Те, которые правом охватить невозможно, доктринально и кратко нормативно именуется социальными, что подчеркивает их соответствие социальным стандартам государства и благо ребенка, не способного выжить без участия взрослых.

¹² Семейный кодекс Корейской народно-демократической республики. Принят постановлением Постоянного совета Верховного народного собрания КНДР от 24.10.1990 № 5. Дата обращения 20 марта, 2023. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/6a/Semeyniy_kodeks_kndr.pdf.

Не стоит полагать, что обращение к фактическим воспитателям и отчимам, использованное здесь для текущей аргументации, исключает вовлечение в число социальных родителей других лиц. Запросы репродуктивного поведения родителей и развивающиеся под них репродуктивные технологии, а также постепенное признание обществом альтернативных стилей жизни продолжают процесс создания и реформирования семей, в которых биологические и/или юридические связи перестают быть единственным организующим принципом детско-родительских отношений. Образующиеся в них лакуны заполняются и будут заполняться фактическими детско-родительскими отношениями. Главное, чтобы это поведение было социально полезным, т. е. одобряемым обществом, безусловно существующим в границах предписаний культуры, морали и нравственности и отвечающим интересам ребенка.

2.2.2. Аргументы против урегулирования

Прежде всего, включение термина «социальные родители» в качестве самостоятельного в текст закона видится невозможным. Дело не только в том, что термин «социальный» для целей настоящего исследования невозможно отнести к специальным юридическим и есть опасность «искусственного привнесения в закон непонятных для права терминов» (Нечаева 2015, 16). Причина еще и в том, что действующее семейное законодательство оперирует термином «родитель» исключительно в его юридическом значении, заключая в его содержание лиц, прошедших через отношения по родительскому признанию (ст. 47, 49, абз. 2 п. 4 ст. 51, 137 СК РФ). Другие лица, согласно закону, не могут именоваться родителями и нести юридические последствия родительского признания. Для разграничения лиц, именуемых родителями, и всех иных лиц, взаимодействующих с ребенком, законодатель использует производные конструкции: «лица, заменяющие родителей», «лица, на попечении которых находится ребенок», «опекун», «попечитель», «отчим», «фактический воспитатель», «бабушка», «дедушка», «брат», «сестра».

Вовлечение термина «социальные родители» в нормы права повлечет за собой многообразие, при котором на одном лингвистическом уровне (родители) возникнут два вида родителей: родители законные и родители социальные. Появление разнородных родительских образов в праве неуместно и противоречиво, в том числе по канонам юридико-техническим.

Приведенные суждения совсем не исключают присутствия в науке теоретической конструкции «социальные родители», ведь названия теоретических конструкций, создаваемых наукой для целей познания и научного описания явлений, ими обозначаемых, далеко не всегда имеют однозначные имена с конструкциями законодательными. Теория, как известно, не только познает, но и обоснованно интерпретирует уже имеющиеся в законе логико-формальные конструкции, прибегая для этой цели к конструкциям теоретическим. Этот аргумент возвращает нас к аргументам за, указывая на необходимость отыскания и отбора тех правовых понятий и созданных с их помощью нормативных конструкций, которые пригодны для формирования понятийно-терминологического ряда теории социального родительства. Подобный отбор позволит провести лингвистическую ревизию понятий на предмет их соотношения, взаимопоглощения и вторичной взаимосвязи с базовым термином «родители».

Объективный минус для целей правовой регламентации отношений с участием социальных родителей — то, что причины, порождающие отношения по фактическому воспитанию ребенка, многообразны и перечень их открыт. Эти перечни уже не единожды воспроизводились в доктрине, главным образом в связи с обзором тех социальных оснований, которые порождают явление социального родительства. Итоги их юридического анализа позволяют сделать однозначный вывод: в силу реального множества конкретных социальных поводов, порождающих отношения, в которых участвуют де факто родители, право не способно охватить такие отношения. Они приватны в силу наполнения их личным, индивидуальным, стихийным, юридически не мотивированным, непостоянным. Цель вмешательства государства в эти отношения, если не подменять ее целями дисциплинированности социальных родителей, однозначно не обосновать. При таких предпосылках увеличение публичной составляющей в семейном законодательстве не является оправданным.

Наконец, в суждениях против нельзя не привести и аргумент о том, что возможности юридического конструирования в праве не безграничны. Причины лежат не только в области обоснованности того или иного повода для конструирования. Многие институты семейного права даны российскому законодателю его коренной, национальной историей. Часть из них сегодня проходит свою естественную эволюцию под влиянием политических, экономических и естественно-социальных контекстов. Переименование уже известных праву родительских конструкций или присвоение им дополнительных наименований, таких как «альтернативные (факультативные) родительские правоотношения» (Шахова 2016, 76), без научного описания их места в существующем правовом регулировании ничего нового семейно-правовому знанию дать не могут. Как справедливо замечено в науке, «легализация социальных взаимоотношений должна знать свои пределы» (Капапетов 2020, 446).

В этом видится одна из причин того, что возможности теоретико-правового конструирования отношений с участием социальных родителей объективно ограничены. С последствиями широкого конструирования уже столкнулись страны общего права, озабоченные противопоставлением биологического родительства социальному. Поэтому при разбирательстве споров о праве воспитывать ребенка с участием фактического родителя судам предписано «однозначно доказать тот факт, что биологические родители совершенно непригодны, в противном случае мы подвергаемся серьезной опасности скатиться к социальной инженерии» (Steiner 2006).

3. Выводы

Отказавшись от юридического молчания на тему социальных родителей и социального воспитания, наука семейного права остановилась на уровне рефлексивного упоминания социальных терминов применительно к родительскому праву, никак не связывая их употребление с какими-либо теоретическими и методологическими ориентирами, важными для любого исследования, в том числе правового. Абстрактный образ социального родителя (воспитателя) в науке семейного права пока не создан. Выдавать за него по умолчанию тот образ, чьи интересы поддерживает социальная политика государства, слишком просто и неверно. Как показано

в статье, этот узкий аспект социальности имеет значение только для тех ситуаций, в которых государство принимает на себя конкретные виды социальных рисков.

В качестве методологического подтекста проблемы мы обратились к смежным наукам, стремясь показать, что термин «социальный» не является однолинейным и может употребляться не в одном, а в нескольких дискуссионных контекстах: как синоним общественного, отделяемого от того, что задано природой; как специфическая группа отношений, институционализированных правом (право социального обеспечения); как понятие, используемое для описания тех отношений, которые складываются исключительно в социальной сфере жизни людей как одной из структурных частей общества, отличной от жизни экономической, политической, правовой, идеологической; как термин, позволяющий создать теоретическую или юридическую конструкцию в целях постановки конкретной научной задачи. В настоящее исследование термин «социальный» вовлечен в последнем из перечисленных значений.

По итогам исследования автор пришел к следующим выводам:

— во взглядах на социальное родительство и производные от него понятия пока больше декларативного, нежели конструктивного, пригодного для актуальных научных исследований проблем социального родительства и социального воспитания;

— проблема социального родительства для юриспруденции — это проблема фактических «как бы» родительских состояний как таких состояний, которые пребывают вне пределов правового регулирования; подобная квалификация не исключает сопряжения этого социального понятия с правом в целях соблюдения прав и интересов ребенка и его законных родителей, однако это предполагает следование уже известной нормативной терминологии и может быть только точечным;

— основополагающим ориентиром для возможного правового конструирования модели социального родительства в праве должно быть понимание ее будущей встроенности в действующее законодательство о законных родителях; суждения о социальных родителях, устроенные поверх знания о родителях по закону, методологически ошибочны;

— процесс создания собственно значимой теоретической конструкции «социальное родительство» должен строиться на понятных методологических ориентирах, присутствие которых исключит конкуренцию с уже известными видами родительского признания;

— возможности правового конструирования в этом вопросе носят объективно ограниченный характер.

Приведенные теоретико-методологические суждения о компонентах социального в теме родительства, а также аргументы за социальное родительство и против него как явления, находящегося на грани права, носят во многом предварительный характер и служат приглашением к научной дискуссии.

Библиография

- Агарков, Михаил М. 2002. «Ценность частного права». Агарков, Михаил М. *Избранные труды по гражданскому праву*. В 2 т., т. 1, 42–105. М.: Центр ЮрИнфоР.
- Белинская, Дина В. 2013. «Некоторые аспекты социального конструирования семьи и родительства». *Актуальные проблемы родительства в России*. Отв. ред. Татьяна А. Гурко, 139–150. М.: Институт социологии Российской академии наук.

- Бобров, Виктор В. 2005. *Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости*. Новосибирск: Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.
- Елисеев, Николай Г., Александр Л. Маковский, Т. Ф. Яковлева, ред. 2004. *Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению = Deutschen Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetzes*. Пер. с нем. М.: Волтерс Клувер.
- Карапетов, Артем Г. 2020. *Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации*. М.: М-Логос.
- Манхейм, Карл. 1994. *Диагноз нашего времени*. Пер. с нем. и англ. М.: Юрист.
- Михеева, Лидия Ю. 2020. «Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий». *Семейное и жилищное право* 3: 3–5.
- Нечаева, Александра М. 2015. «Семейный кодекс — путь к переменам». *Российская юстиция* 3: 14–18.
- Панов, Андрей М., Евдокия И. Холостова, ред. 1997. *Российская энциклопедия социальной работы*. В 2 т., т. 1. М.: Институт социальной работы.
- Покровский, Иосиф А. 1998. *Основные проблемы гражданского права*. М.: Статут.
- Суханов, Евгений А. 2020. «Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса)». *Гражданское право социального государства*: Сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020). Отв. ред. Василий В. Витрянский, Евгений А. Суханов, 24–37. М.: Статут.
- Тарусина, Надежда Н. 2020. «Семейному кодексу РФ — 25 лет: состояние здоровья и пути его улучшения». *Социально-юридическая тетрадь* 10: 38–51.
- Тиммерманс, Вим. 2013. «Гражданский кодекс Нидерландов». *Вестник международного коммерческого арбитража* 1 (7): 254–292.
- Усачева, Елена А. 2019. «Социальное отцовство (материнство): постановка проблемы». *Российский юридический журнал* 6: 115–120.
- Хазова, Ольга А. 2022. «Понятие социального родительства в контексте российского семейного права». *Закон* 1: 77–86.
- Чернова, Жанна В. 2012. «Семейная политика в западноевропейских странах. Модели отцовства». *Журнал социологии и социальной антропологии* 15 (1): 103–122.
- Шахова, Елена С. 2016. «Соотношение родительских и усыновительских правоотношений: актуальные проблемы семейного права». *Актуальные проблемы российского права* 7: 75–81.
- Arendell, Terry. 2000. «Conceiving and investigating motherhood: The decade's scholarship». *Journal of Marriage and Family* 4: 1192–1207.
- Dethloff, Nina, Timmermann, Anja. 2017. «Multiple Elternschaft — Familienrecht und Familienleben im Spannungsverhältnis». *Familien mit multipler Elternschaft Entstehungszusammenhänge, Herausforderungen und Potenziale*. Hrsg. Pia Bergold Andrea Buschner, Birgit Mayer-Lewis, Tanja Mühling, 173–195. Berlin; Toronto: Verlag Barbara Budrich Opladen.
- Douglas, James, Richard Banks, Joanna Grossman. 2021. *Family law in a changing America*. New York: Walters Kluwer.
- Edwards, Rosalind, McCarthy J. Ribbens, Val Gillies. 1999. «Biological parents and social families: Legal discourses and everyday understandings of the position of step-parents». *International Journal of Law, Policy and The Family* 13: 78–105.
- Eriksson, Anders, Ake Saldeen, 1993. «Parenthood and science — establishing and contesting parentage». *Parenthood in modern society: Legal and Social issues for the twenty-first century*. Ed. by John Eekelaar, Petar Sarcevic, 75–92. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publ.
- Gabriel, Thomas, Samuel Keller. 2020. «Soziale Elternschaft und soziale Zugehörigkeit. Reflexionen der Zürcher Adoptionsstudie». *Journal of Pedagogical Sciences* 23: 295–322.
- Grossman, Joanna L. 2017. «Constitutional parentage». *Southern Methodist University, Dedman School of Law Legal Studies* 32 (2): 307–340.
- Jurczyk, Karin. 2017. «Elternschaftliches Neuland». *DJI Impulse* 4. Дата обращения 22 ноября, 2022. https://www.researchgate.net/publication/321301850_Soziale_Elternschaft_gestalten.
- Lenz, Karl. 2013. «Was ist eine Familie? Konturen eines universalen Familienbegriffs». *Familie(n) heute. Entwicklungen, Kontroversen, Prognosen*. Hrsg. Dorothea K. Krüger, Holger Herma und Anja Schier-

- baum, 104–125. Weinheim; Basel: Beltz Juventa.
- Sanders, Anne. 2018. *Mehrelternschaft*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Scheiwe, Kirsten. 2016. “Mehr als nur zwei Sorgeberechtigte? Mehrelternsorge und soziale Elternschaft in England und Wales und in den Niederlanden aus rechtsvergleichender Perspektive”. *Recht der Jugend und des Bildungswesens (RdJB)* 64 (2): 227–240.
- Schwab, Diter. 2016. “Fragen zwischen Sozial — und Reschtswissenschaften”. *Zeitschrift für Familienforschung* 28 (2): 208–220.
- Steiner, Eva. 2006. “The tensions between legal, biological and social conceptions of parenthood in English law”. *Electronic Journal of Comparative Law*. Дата обращения 20 марта, 2023. <https://studylib.net/doc/7657461/tensions-between-legal-biological-and-social-conceptions-of>.
- Strauss, Greg. 2019. “What role remains for de facto parenthood”. *Florida State University Law Review* 46 (4): 909–977. Дата обращения 20 марта, 2023. <https://www.semanticscholar.org/paper/What-Role-Remains-for-De-Facto-Parenthood-Strauss/bdbcffbb144fdfe65e84781717fc69a5b74e592f>.
- Vaskovics, Laszlo A. 2020. “Soziale Elternschaft”. *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft* 23: 269–293.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 16 января 2023 г.

Контактная информация:

Комиссарова Елена Генриховна — д-р юрид. наук, проф.; eg-komissarova@yandex.ru

Social parents and social upbringing of a child in legal discourse

E. G. Komissarova

Perm State National Research University,
15, ul. Bukireva, Perm, 614068, Russian Federation

For citation: Komissarova, Elena G. 2023. “Social parents and social upbringing of a child in legal discourse”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 542–559.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.217> (In Russian)

The article presents the author’s judgments about such a “manifest” concept for the family-legal reality as social parents. In the status of a theoretical construction, it is often included in legal discourse, but the sign of sociality accompanying it is deprived of proper analysis by family law science. Interpreting sociality in the context of social reality, each author sees in it his own hypothesis of social (kinship, parent, child rearing). This approach has led to a significant scientific omission, concluded in the fact that the child-parent branch of family law includes counterterrorism, which has no connection and an understandable relationship with the concept of “persons recognized by parents at the direction of the law”. The correlation of the concept of “social parents” with such concepts of this series looks no less vague: the rights and obligations of parents; persons replacing parents; other persons in whose care the child is. The conclusions of the article reflect the author’s scientific views on the problem posed by him and consist in the following: the presence of obvious social grounds for the introduction of new parental concepts into the space of family law should not harm the academic maxim about the inadmissibility of separating existing legislation. Following the goal of strengthening its integrity and internal logic, the doctrine will have to identify social parents in the space of law not only from the standpoint of the usefulness of their social role, but also in the sense of correlation with already known normative constructions; scientific success in cognizing the semantic essence of the theoretical construction “social parents” can be achieved provided that cognition is not organized as an autonomous problem that exists “by itself”, but in connection with the existing legal knowledge about parents “by law”; in the

doctrinal construction of “social parents”, a significant theoretical resource is reserved, which is able to make such latent legal concepts as the actual father/mother, stepfather/stepmother, and actual educator scientifically relevant.

Keywords: sociality in law, social parenthood, theoretical construction, the state of actual parenthood, stepparents, the actual upbringing of a child.

References

- Agarkov, Mikhail M. 2002. “The value of private law”. Agarkov, Mikhail M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu*. In 2 vols, vol. 1, 42–105. Moscow, Tsentr IurInfoR Publ. (In Russian)
- Arendell, Terry. 2000. “Conceiving and investigating motherhood: The decade’s scholarship”. *Journal of Marriage and Family* 62 (4): 1192–1207.
- Belinskaia, Dina V. 2013. “Some aspects of the social construction of family and parenthood”. *Aktual’nye problemy roditel’stva v Rossii*. Ed. by Tatiana A. Gurko, 139–150. Moscow, Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk Publ. (In Russian)
- Bobrov, Viktor V. 2005. *Social development: the essence, conditions and criteria of sustainability*. Novosibirsk, Institut filosofii i prava Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk Publ. (In Russian)
- Chernova, Zhanna V. 2012. “Family policy in Western European countries. Models of fatherhood”. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 15 (1): 103–122. (In Russian)
- Gabriel, Thomas, Samuel Keller. 2020. “Soziale Elternschaft und soziale Zugehörigkeit. Reflexionen der Zürcher Adoptionsstudie”. *Journal of Pedagogical Sciences* 23: 295–322.
- Dethloff, Nina, Anja Timmermann. 2017. “Multiple Elternschaft — Familienrecht und Familienleben im Spannungsverhältnis”. *Familien mit multipler Elternschaft Entstehungszusammenhänge, Herausforderungen und Potenziale*. Hrsg. Pia Bergold Andrea Buschner, Birgit Mayer-Lewis, Tanja Mühlhling, 173–195. Berlin; Toronto, Verlag Barbara Budrich Opladen.
- Douglas, James, Richard Banks, Joanna Grossman. 2021. *Family law in a changing America*. New York, Walters Kluwer.
- Edwards, Rosalind, McCarthy J. Ribbens, Val Gillies. 1999. “Biological parents and social families: Legal discourses and everyday understandings of the position of step-parents”. *International Journal of Law, Policy and the Family* 13: 78–105.
- Eliseev, Nikolai G., Alexander L. Makovsky, T. F. Yakovleva, eds. 2004. *German Civil Code. Introductory Law to the Civil Code = Deutschen Bürgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesets*. Rus. ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ.
- Eriksson, Anders, Ake Saldeen, 1993. “Parenthood and science — establishing and contesting parentage”. *Parenthood in modern society: Legal and social issues for the twenty-first century*. Ed. by John Eekelaar, Petar Sarcevic, 75–92. Dordrecht, Martinus Nijhoff Publ.
- Grossman, Joanna L. 2017. “Constitutional parentage”. *Southern Methodist University, Dedman School of Law Legal Studies* 32 (2): 307–340.
- Jurczyk, Karin. 2017. “Elternschaftliches Neuland”. *DJI Impulse* 4. Accessed November 22, 2022. https://www.researchgate.net/publication/321301850_Soziale_Elternschaft_gestalten.
- Karapetov, Artem G. 2020. *The main provisions of civil law: Article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow, M-Logos Publ. (In Russian)
- Khazova, Olga A. 2022. “The concept of social parenthood in the context of Russian family law”. *Zakon* 1: 77–86. (In Russian)
- Lenz, Karl. 2013. “Was ist eine Familie? Konturen eines universalen Familienbegriffs”. *Familie(n) heute. Entwicklungen, Kontroversen, Prognosen*. Hrsg. Dorothea K. Krüger, Holger Herma und Anja Schierbaum, 104–125. Weinheim; Basel, Beltz Juventa.
- Manheim, Karl. 1994. *The diagnosis of our time*. Rus. ed. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Mikheeva, Lidiia Iu. 2020. “Prospects for the development of family law at the turn of decades”. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* 3: 3–5. (In Russian)
- Nechaeva, Aleksandra M. 2015. “The Family Code is the way to change”. *Rossiyskaia iustitsiia* 3: 14–18. (In Russian)

- Panov, Andrei M., Evdokiia I. Kholostova, eds. 1997. *Russian Encyclopedia of Social Work*. In 2 vols, vol. 1. Moscow, Institut sotsial'noi raboty Publ. (In Russian)
- Pokrovskii, Iosif A. 1998. *The main problems of civil law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Sanders, Anne. 2018. *Mehrelternschaft*. Tübingen, Mohr Siebeck.
- Sukhanov, Evgenii. A. 2020. "Social person of civil law (to raise the question)". *Grazhdanskoe pravo sotsial'nogo gosudarstva*: Collection of articles, the 90th anniversary of the birth of A. L. Makovsky (1930–2020). Ed. by Vasilii V. Vitrianskii, Evgenii A. Sukhanov, 24–37. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Scheiwe, Kirsten. 2016. "Mehr als nur zwei Sorgeberechtigte? Mehrelternsorge und soziale Elternschaft in England und Wales und in den Niederlanden aus rechtsvergleichender Perspektive". *Recht der Jugend und des Bildungswesens (RdJB)* 64 (2): 227–240.
- Schwab, Diter. 2016. "Fragen zwischen Sozial — und Reschtswissenschaften". *Zeitschrift für Familienforschung* 28 (2): 208–220.
- Shakhova, Elena S. 2016. "The ratio of parental and adoptive legal relations: Actual problems of family law". *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* 7: 75–81. (In Russian)
- Steiner, Eva. 2006. "The tensions between legal, biological and social conceptions of parenthood in English law". *Electronic journal of comparative law*. Accessed March 20, 2023. <https://studylib.net/doc/7657461/tensions-between-legal--biological-and-social-conceptions-of>.
- Strauss, Greg. 2019. "What role remains for de facto parenthood". *Florida State University Law Review* 46 (4): 909–977. Accessed March 20, 2023. <https://www.semanticscholar.org/paper/What-Role-Remains-for-De-Facto-Parenthood-Strauss/bdbcffbb144fdfe65e84781717fc69a5b74e592f>.
- Tarusina, Nadezhda N. 2020. "The Family Code of the Russian Federation is 25 years old: The state of health and ways to improve it". *Sotsial'no-iuridicheskaia tetrad'* 10: 38–51. (In Russian)
- Timmermans, Wim. 2013. "Dutch Civil Code." *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* 1 (7): 254–292. (In Russian)
- Usacheva, Elena A. 2019. "Social fatherhood (motherhood): Problem statement". *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 6: 115–120. (In Russian)
- Vaskovics, Laszlo A. 2020. "Soziale Elternschaft". *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft* 23: 269–293.

Received: September 5, 2021

Accepted: January 16, 2023

Author's information:

Elena G. Komissarova — Dr. Sci. in Law, Professor; eg-komissarova@yandex.ru